

тельственные круги ни в коем случае не пошли бы на помощь России в этом деле, поскольку, получив хорошие корабли и подготовленных мореплавателей, она могла бы угрожать шведским владениям в Прибалтике. Предложения Петтер-Лиллиенхофа помочь России на Черном море также были неосуществимы, так как Крым и Турция, враждебно настроенные по отношению к Москве, не допустили бы роста русского влияния в этом регионе.

В целом проект Петтер-Лиллиенхофа отличается от других взвешенностью подходов и некоторой доброжелательностью по отношению к России. Ряд содержащихся в нем предложений даже опережает свое время: лишь двадцать лет спустя царь-реформатор Петр Великий стал приглашать в свою страну иностранцев для того, чтобы перенять у них опыт, накопленный в ведении торгового дела, в науке, в ремесле.

Кроме вышеописанных планов известны и другие проекты по перенесению русской торговли из Архангельска на Балтийское море, но практически каждый из них повторяет одни и те же идеи: попытаться убедить русское правительство в выгоде балтийского плавания, а если не получится, уговорить англичан или голландцев перевести торговлю в Прибалтику, после чего русским придется закрыть архангельский порт. Авторы этих сочинений не учитывали ни настроений в русской купеческой среде, ни стремлений торговых людей в Англии и Голландии, ни планов правительственных кругов Швеции, России, Англии, Голландии и других стран.

Этого не избежали и такие шведские государственные деятели, как Йоахим Петтер-Лиллиенхоф и Филипп фон Крузенштерн. Последний предлагал заставить Россию, в том числе силой оружия, в точности соблюдать условия Тявзинского и Столбовского договоров, по которым шведским подданным предоставлялись права свободной торговли на русской территории. В 60—70-е гг. XVII в. Швеция не смогла бы принудить Россию к чему бы то ни было из-за ухудшения собственного международного положения.

Таким образом, шведское правительство определенно понимало невыполнимость многочисленных проектов переноса русской торговли из Архангельска на Балтийское море и серьезно их не рассматривало.

Примечания

¹ Некрасов Г. А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX—XVIII вв. М., 1993. С. 68—69.

² См.: Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке. М., 1981. № 29. С. 244.

³ Там же. № 32. С. 254.

⁴ Там же. № 31. С. 252.

⁵ Там же. № 32. С. 255.

⁶ Там же. № 33. С. 260—263.

⁷ Там же. С. 264.

⁸ Там же. С. 265—269.

⁹ Шаскольский И. П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 294.

¹⁰ Экономические связи между Россией и Швецией... С. 308—309.

¹¹ Там же. № 39. С. 315, 316.

¹² Там же. № 39. С. 318.

¹³ Там же. № 39. С. 321.

О. Н. Вилков

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ТОРГОВЛЕ СКОТОМ В СУРГУТЕ И ТАРЕ

(по материалам таможенных книг 1674/75 г.)

Цель тезисов доклада — сопоставление степени развитости скотских рынков Сургута и Тары с точки зрения выяснения общего и особенного в развитии каждого из них. Сопоставление это с выяснением общего и особенного производится впервые и дается на основе сплошной статистической обработки материалов по торговле скотом сургутской и тарской таможенных приходных книг 1674/75 г., первая из которых является полной и охватывает записями целый год с 1 сентября 1674 г. по 31 августа 1675 г., а во второй отсутствуют июльские (с 13 июля) и августовские листы. Книги эти, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов в фонде Сибирского приказа¹, были изданы по инициативе и под руководством заведующего Сектором Истории Сибири конца XVI—первой половины XIX в. Институтом истории СО РАН, доктора исторических наук Д. Я. Резуна в качестве документальной коллективной монографии² с переводом текста сургутской таможенной приходной книги со скорописи XVII в. на современный алфавит О. Н. Вилковым, а тарской — З. В. Башкатовой. Компьютерная обработка переведенных текстов была проведена И. Р. Соколовским. Авторами-составителями первого выпуска являются

З. В. Башкатова, О. Н. Вилков и И. Р. Соколовский³.

В отечественной литературе содержится немало отдельных отрывочных суждений о наличии в Сибири XVII в. скотской торговли, а настоящих научных исследований о ней имеется лишь одно, принадлежащее З. В. Башкатовой, изучавшей с большой тщательностью скотскую торговлю Тары в 1637/38 и в 1647/48 гг. З. В. Башкатовой были подробно охарактеризованы изменения, происшедшие в течение 1637—1648 гг. в составе и структуре тарской торговли скотом и причины, вызвавшие их. В примечаниях к ее работе дана использованная литература, которую при подготовке данных тезисов использовал и я⁴.

Каждая из изучаемых нами сургутской и тарской приходных таможенных книг, характеризующая торговлю скотом в своей природно-климатической и транспортно-экономической зоне, имела свою терминологию и свои принципы взимания пошлин. Сургутская таможенная терминология оперировала такими понятиями, как «лошадь», «жеребенок», «бык», «корова», а тарская — «кобыла», «жеребенок», «бык», «корова», «скотина». Появление в Таре новых понятий «кобыла», «жеребенок», вместо лошади было связано с наличием в ней конных казаков, рейтар, драгун, служилого и неслужилого пашенного земледелия, огородничества и животноводства, чего не было во всем этом многообразии в Сургуте. В нем на всем протяжении XVII в. были только пещие казаки, стрельцы, служилое огородничество и животноводство. Большие потери тарского скота во время эпизоотий и набегов кочевников, каковых Сургут не знал, приучили тарчан беречь дойных коров и под нож вместо них пускали отбракованных из коровьего стада малочисленных в племенном отношении животных, так называемых «скотин», которых и били на мясо для себя, на заказ и на продажу в свежем виде и «соляником». В последнем случае таможенники отмечали: «продал скотину на убой соляником». Сами сделки продажи-купли скота носили одноактный характер и облагались в Сургуте и Таре двумя разными пошлинами: пошлиной с продавца и пошерстным с покупателя, но по-иному в каждом из этих городов. В Сургуте пошлина с продавца взималась в размере 10 д. с рубля со всех видов скота. В Таре ее платил продавец коней, кобыл и жеребят в размере 6 д. с рубля, а крупного рогатого скота (бык, корова, скотина) — 10 д. с головы. Подобный принцип взимания этой пошлины в Таре привел, с одной стороны, к отсутствию в ней таможенных оценок крупного рогатого скота, а с другой, к льготному пошлинному обложению продавцов коней, кобыл, жеребят ради более быстрого восполнения их потерь от случившихся эпизоотии и набегов кочевников, более частых в первой половине века. В Сургуте и Таре покупателя скота облагали пошерстным в размере

6 д. с головы («шерсти») любого вида скота. Иногородние покупатели скота облагались в Сургуте пошерстным в два раза большим размером (12 д.), чем местные (6 д.). При обмене «коня на коня» в Таре взималось с каждого коня 6 д. пошерстного. С приезжих бухарцев и калмыков, пригонявших скот, в основном коней, на продажу в Тару, скотские пошлины вносили русские, т. е. местные россияне, и записывались эти пошлины в особую «тетрадь». Тарские таможенники отметили это особой общей строкой: это в мае 1675 г. «был и со степи приход калмыком», и «с колмацкого торгу по записной тетради с коней взято рубль с полтиной», но без указания количества коней. Сургутские продавцы мяса-говядины, какового в октябре, ноябре, декабре, январе, феврале и апреле 1674/75 г. было продано в Сургуте в 24 явках на 45 руб. 4 гривны, платили рублевую пошлину в размере 10 д. с рубля, а с тарских мясников за продажу в сентябре, октябре, январе, феврале и апреле 1674/75 г. мяса-говядины брали «полавочные денги <...> по гривне на месяц с человека». Неразчлененная запись суммы сбора «полавочных денег с мясников и с рыбников с Бориса Сумина, Ывана Белобородова, з Ганки Потанина» не позволяет установить: кто из них и когда выступал в торговых местах, рыбой и вообще тем и другим товаром вместе, т. е. обоими товарами одновременно. Кроме лавочной торговли мясом существовала в Таре и нелавочная торговля. Так, 12 июля 1675 г. «конный казак Ивашко Скоробогатов продал скотину соляником», не платя «полавочные денги».

На сургутском скотском рынке было всего за 12 дней целого 1674/75 г. (а именно 20, 22 октября, 5, 8, 23 декабря, 5, 15 января, 1, 2, 8, 17, 24 февраля в 13 явках продано-куплено 23 сургутянами (20 сургутскими казаками, 1 пушкарем, 1 дьячком, 1 остяком) и 1 тобольским бухаретином 10 лошадей за 31,3 руб., 1 жеребенок за 4 руб., 1 бык за 1,8 руб., 1 корова за 1 руб., всего по сургутской таможенной оценке на 35,1 руб. Иных продавцов и покупателей, а также и других, кроме указанных видов скота, на сургутском рынке скота в 1674/75 г. не имелось. В продаже и покупке скота на сургутском рынке безраздельно господствовали сургутские служилые люди. В продаже на их долю приходится весь скот: 10 лошадей на 31,3 руб., 1 жеребенок на 1 руб., 1 бык на 1,8 руб., 1 корова на 1 руб. В покупке скота кроме них принимали участие еще сургутский остяк Агитейко Авеев «с товарищи» (лошадь за 3 руб.) и тобольский бухаретин Кучюмка Сафаров (1 бык за 1,8 руб.). Торговля скотом в Сургуте проходила лишь в зимний период, с установлением зимнего пути, по которому можно было успеть до распутицы попасть в Томск, Тобольск и другие нужные места и сохранить в пути от порчи и мягкую рухлядь и съестные припасы, в том

числе и мясо, которое брали в дорогу. Поэтому заранее покупали лошадей, готовили их в путь и запасались местными товарами и съестными припасами. Так, тобольский бухаретин Кучюмка Сафаров, готовясь к зимней поездке в Тобольск, купил у сургутского казака Василия Демьянова 1 февраля 1675 г. даже целого быка на мясо за 1,8 руб. Сургутские казаки Данило Вергунов, Сергей Третьяков, Сенка Никитин Мурзин, отправляясь с мягкой рухлядью в Тобольск, покупали лошадей и съестные припасы, а отец казака Ивашки Петрова Петр Кушников купил корову на мясо для партии сургутского казака Офоньки Ерофеева, с которой отправлялся в Тобольск 28 февраля 1675 г. и его сын Ивашко Петров Кушников. В продаже-покупке сургутского скота участвовало свыше 11,8% (22 человека из 185 сургутского гарнизона 1670—1671 гг.)⁵. В общем таможенном сборе Сургута 1674/75 г. в 157 руб. 17 алт. 1 д. скотские пошлины суммой в 2 руб. 5 алт. 1 д. составляли всего 1,37%.

На тарском скотском рынке за 45 дней из 10,5 месяцев 1674/75 г. с ежемесячной частотой от 2 до 10 явок (в сентябре — 4, октябре — 7, ноябре — 3, декабре — 4, январе — 2, феврале — 10, марте — 2, апреле — 6, мае — 2, июне — 3, июле — 6, августе — ?) было продано-куплено и обменено в 52 явках 75 тарчанами (73 служилыми людьми, 1 монашеским закладчиком, 1 ясачным татаринном) и 6 иногородними (3 приезжими бухарцами, 1 посланцем Темирболеванком, 2 тоболянами [конным казаком и тобольским бухаретинном]), т. е. 81 человек 91 голова скота, из которого было продано-куплено: коней — в 14 явках 17 голов на 75,25 руб., кобыл — в 3 явках 3 головы на 10,25 руб., жеребят — в одной явке 1 голова на 3 руб., т. е. в 18 явках 21 голова на 88,5 руб., а крупного рогатого скота: коров — в 7 явках 7 голов, быков — в 2 явках 7 голов, скотины — в 19 явках 44 головы, т. е. в 28 явках 58 голов; променяно было 10 коней в 5 явках и 2 жеребенка в одной явке. Из этого всего поголовья скота в 91 голову на долю конского поголовья приходилось 35,6% (33 головы), а на долю крупного рогатого скота — 64,6% (58 голов). Отсюда видно, что если на рынке скота в Сургуте господствовали лошади служилых сургутян, то на тарском — доминировал крупный рогатый скот служилых тарчан, а среди него — скотины.

Из среды тарского гарнизона уже выделились «мясники», чего не было в Сургуте. К ним тарские таможенники относят Петрушку, Ганку и Ивашку Потаниных, Ивашку Белобородова, Ивашку Куликова и Бориску Сумкина. Ими было забито 40 скотин и 7 быков, т. е. 92,1% (47 из 51 головы скотины). В клане Потаниных действовала семейная кооперация: Петрушка бил скотин, купленных Ганкой и Ивашкой.

Последние к тому же еще и продавали мясо в лавке, платя «полавочное по гривне с человека в месяц». «Полавочное» платили также еще и И. Белобородов и Б. Сумкин, который к тому же еще вел торговлю купленным в Тобольске «руским товаром» в Барабинской волости «на горностаи». Об уплате «полавочного» мясником И. Куликовым сведений нет. Основным поставщиком «скотины на убой» И. Белобородову был конный казак Тары Ооска Шухов. Из 32 «скотин на убой», приобретенных И. Белобородовым в 1674/75 г., 11 скотин ему поставил «на убой» О. Шухов. В торговле скотом в Таре участвовало в 1674/75 г. 73 служилых человека. От численности тарского гарнизона в 1650 г. в 675 человек 73 торговца скотом составляли 10,66%, а от его численности в 718 человек в 1699 г. эти же 73 человека составляли бы 10,02%⁶. В общем тарском таможенном сборе 1674/75 гг. в 206 руб. 15 алт. 5 д. пошлинные сборы от торговли скотом равнялись 4,39% (8 руб. 11 алт. 2 д.). По сравнению со скотским рынком Сургута скотский рынок Тары был более объемным, регулярным и развитым и являлся не конно-тягловым, как в Сургуте, а скотино-бычье-мясным. В торговле скотом в Сургуте и в Таре господствовали служилые местные люди. В Сургуте несколько сильнее, чем в Таре. По типологии рынка, рынки скота служилых городов Сургута и Тары, складывавшиеся на торгово-транспортных путях с 1594 г., но в разных природно-климатических и транспортно-экономических зонах, хотя и были мелкотоварными, небольшими, нерегулярными и функционировали в основном на базе развития собственного животноводства (сургутский — полностью, тарский — частично), имели, как мы проследили, и общие черты и различия.

Примечания

¹ РГАДА. Сибирский приказ. Кн. 632 (7183 г.). В ней содержится сургутская таможенная приходная книга (л. 1—125) и тарская таможенная приходная книга (л. 450—494).

² Таможенные книги сибирских городов XVII в. Вып. 1. Сургут и Тара. Новосибирск, 1997. С. 19—104.

³ Таможенные книги сибирских городов XVII в. Вып. 2. Туринск, Кузнецк, Томск. Новосибирск, 1999. С. 6.

⁴ Башкатова З. В. Торговля скотом на тарском рынке в середине XVII в. // Населенные пункты Сибири: Опыт ист. развития (XVII—начало XX в.). Новосибирск, 1992. С. 21—35.

⁵ РГАДА. Сибирский приказ. Кн. 632. Л. 1—125; Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 29.

⁶ РГАДА. Сибирский приказ. Кн. 632. Л. 450—494; Никитин Н. И. Служилые люди... С. 29.